

ніе народовъ производить не власть, не умственная дѣятельность, даже не соединеніе того и другого, какъ то думали историки,, но дѣятельность *всѣхъ* людей, принимающихъ участіе въ событії» (VI, 264). Мы согласимся съ гр. Толстымъ, что съ такой точки зрѣнія «непосредственно уловить и обнять,—словомъ, описать жизнь не только человѣчества, но одного народа представляется невозможнымъ» (VI, 231), ибо «жизнь народовъ не вмѣщается въ жизнь нѣсколькихъ людей» (VI, 252). Какъ же поступаетъ самъ гр. Толстой въ описаніи взятаго имъ исторического движенія? Съ одной стороны, онъ выводитъ на сцену нѣсколькихъ людей, о которыхъ говорятъ историки, съ другой—еще нѣкоторыхъ людей, созданныхъ его воображеніемъ, но эти нѣкоторые люди въ его изображеніи дѣлаются типическими представителями всѣхъ другихъ, одновременно принимающихъ участіе въ событії. «Движеніе русского народа на востокъ, въ Казань и Сибирь выражается ли въ подробностяхъ большого характера Ивана IV-го и его переписки съ Курбскимъ?» —спрашиваетъ гр. Толстой въ поясненіе своей мысли о томъ, что жизнь народовъ не вмѣщается въ жизнь нѣсколькихъ лицъ. Конечно, пѣть; но движеніе русской народной массы на востокъ можно до нѣкоторой степени обобщить въ биографіяхъ одного какого-либо человѣка или нѣсколькихъ лицъ, уходившихъ въ Казань и Сибирь, и въ сущности то же самое дѣлаетъ гр. Толстой въ «Войнѣ и мирѣ», замѣняя всѣхъ русскихъ людей, принимавшихъ участіе въ событіяхъ. нѣсколькими типическими представителями, играющими роль въ романѣ или случайно появляющимися въ историческихъ описанияхъ. Онъ протестуетъ противъ стараго приема историковъ «разматривать дѣйствія одного человѣка, царя, полководца, какъ сумму произволовъ людей, тогда какъ